

ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛЯ БЫКОВА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр историко-философских и компаративных исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь
e-mail: valery.maximovich@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9062-6984>
(получено 6.09.2018; принято 11.09. 2018)

Abstract

Vasil Bykov's works: existential discourse

The article describes the work of the national writer of Belarus V. Bykov through the prism of existential discourse. An attempt is made to show the multidimensionality of existential-ontological discourse and the multiplicity of interpretations of artistically generalized meanings of his works, as well as to reveal the philosophical and aesthetic features of his existential concept of man.

Key words

Existentialism, existential choice, state patriotism, anthropic principle, humanity, inner repentance, biblical archetype.

Резюме

В статье творчество народного писателя Беларуси В. Быкова рассматривается через призму экзистенциального дискурса. Делается попытка раскрыть многомерность экзистенциально-онтологического дискурса и поливариант-

ность интерпретаций художественно-обобщенных смыслов его произведений, выявить философско-эстетические особенности экзистенциальной концепции человека.

Ключевые слова

Экзистенциализм, экзистенциальный выбор, казенно-государственный патриотизм, антропный принцип, человечность, внутреннее покаяние, библейский архетип.

Василь Быков относится к пантеону писателей предельно выразительно-го художественного видения, отчетливо проявленной гражданской позиции. В центре его глубоких размышлений – бескомпромиссная правда о войне, о человеке на войне, трагический смысл эпохи, которая принесла безмерные страдания, боль и невозполнимые утраты.

Творчество В. Быкова, – справедливо отмечает Наталья Сергеевна Клишевич, – является неотъемлемой частью белорусской философско-культурной среды своего времени. (...) [Оно] поражает своим постоянством тематики и разнообразием поднимаемых социальных проблем, на «военном материале» писателю удается показать не только эпопею народного горя, но и внутреннее состояние безысходности и отчаяния каждого человека независимо от его статуса и степени ответственности, где каждый стоит перед нечеловеческим выбором – от небольших моральных, до окончательного экзистенциального (Клишевич, 2015, с. 214).

Кукулин в своей статье *Регулирование боли* называет Быкова «единственным в советской литературе писателем-экзистенциалистом в точном понимании этого слова» (Кукулин, 2005, с. 2–3). В своих комментариях по поводу работы над повестью *Сотников* Быков заметил (Быков, 1986, с. 134):

Прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно.

Причастность Быкова к экзистенциальному дискурсу неоспорима. Об этом говорится во многих публикациях, посвященных творчеству этого признанного мастера слова (см. статьи: Афанасьев, 1993; Лявонова, 2000; Локун, 2005; Каропа, 2008). Кроме того, на присутствие экзистенциальных мотивов в творчестве Быкова указывали Лейдерман, Липовецкий, Афанасьев, Липневич, Леонова, Локун, Васюченко.

Проблема индивидуальной свободы и ее границ, проблема ответственности и морального выбора становились предметом его глубоких раздумий, его сосредоточенной, и более того, мучительной писательской рефлексии. Произведения Быкова, как правило, имеют четкую «программную» установку, подчинены предварительно хорошо продуманной идее, характеризуются

«выразительной конструктивной заданностью, запрограммированностью на высокую степень морально-этического эксперимента, в котором все направлено на решение масштабной проблемы морали, на цель и средства ее достижения» (Локун, 2005, с. 148). Другими словами, они имеют предельно мировоззренческий характер, сфокусированы на постижение всеобщей зависимости вещей и явлений, на решение поистине субстанциально-онтологических вопросов бытия.

Экзистенциализм (existentialisme (фр.), exsistentia (лат.) – существование) – направление философии и культуры, которое выводит на первый план абсолютную уникальность человеческого бытия. С экзистенциализмом повести Быкова сближает и обостренная трагичность индивидуальной судьбы человека на войне, понимание свободы и ответственности за нее, ситуация морального выбора, происходящая в неимоверно тяжелых, невыносимых условиях военного времени. Необходимо при этом заметить, и на это уже обращали внимание исследователи творчества писателя, что в художественном обживании жизненного материала автор не слепо придерживается определенного канона, признанного образца: у него заметна большая привязанность к конкретике, к сюжетной и структурной организации материала, притяжение в поле зрения, мягко говоря, непростых моментов в межличностной коммуникации, которым нельзя дать однозначную оценку с точки зрения морально-нравственного императива. Наблюдается отличие в подаче конкретно-исторического и обобщенно-философского материала. Следование гуманистической традиции позволяет писателю «сочетать прославление человека, сохраняющего свою духовную сущность даже в нечеловеческих условиях, с проклятием этих условий, с утверждением права человека на человеческие условия проявления его духовной сущности» (Жибуль, 1986, с. 59). Вот почему произведения Быкова, при всей их, казалось бы, эсхатологической направленности, имеют жизнеутверждающий характер.

Афанасьев в книге *Кто восходит на Голгофу? Антивоенная идея в творчестве Василя Быкова* справедливо отметил, что в своем творчестве писатель прибегает к антропному уровню решения художественной задачи (Афанасьев 1993, с. 28). Напомним, что антропный принцип, его реализация в литературе не предполагает строгого и однозначного утверждения. Он заключает в себе широкий спектр формулировок, интерпретаций, установок и позиций, вытекающих из различных мировоззренческих контекстов. Что касается трактовки Быковым художественных образов, поведения, отношения, позиций героев, то писателя, как свидетельствует Афанасьев, интересует процесс возвращения человека к самому себе, обратный процесс собирания раздробленной, «частичной» человеческой индивидуальности как родового существа и обнаружение некой общности, позволяющей говорить о человеке как о представителе человечества. Вот почему, замечает исследователь, война у Быкова ангажирована этической проблематикой, показана «на человеческом, а не только отраженно солдатском, противоборствующем уровне взаимоотношений людей» (Афанасьев, 1993, с. 32).

Причиной того, что участники военных сражений по-разному подходят к пониманию сущности добра и зла, ложного и истинного, героического и предательского, является разное толкование и отношение к патриотизму военно-государственному и народному. Как замечает Афанасьев, в государственном патриотизме Вернадский видел потенциальный источник преступления. Исходя из подобного толкования патриотизма, борьба с мировым злом становится алогичной и взаимосоединяется с ним: человек попадает в замкнутый круг, где он – не более чем объект истребления, и правомочность его как носителя свободы выхолащивается до жалкого состояния «пленника военных систем» (Герзон, 1987, с. 169). Акцентирование внимания на подобном герое, испытывающем воздействие внешней агрессии и внутреннего режимного устрашения, военизированных общественных отношений, позволяет Быкову поставить вопрос еще шире: человек в системе репрессивных отношений (Афанасьев, 1993, с. 66). Вот почему герои быковских произведений по-особому воспринимают и трактуют чувство долга, чести, героизма, которые во многом сопряжены с чувством страха, боязни, подозрительности, ощущением себя «винтиком» системы, ее, по преимуществу, жертвенного звена. Вскрывая онтологические основания военно-государственного патриотизма, критик замечает (Афанасьев, 1993, с. 35):

На войне окончательному возобладанию именно военного патриотизма способствует его историческая оправданность, в силу которой приходится говорить о неизбежном ущербе человечности, неустрашимом всегда, когда начинаются войны. Идеи нации, отечества получают самодовлеющее значение, отличное от подлинного смысла этих ценностей уже потому, что несут в себе элемент чистой выгоды, «саморазумеются» как аргумент в историческом споре.

К тому же, свою крайне негативную роль сыграла чрезмерно жесткая политика власти в отношении солдат на войне (Быкаў, 1992, с. 46).

Адзінае, чаго дасягнула ваеннае (у тым ліку і партыйнае) кіраўніцтва, – замечал Быков в одном из своих выступлений в начале 90-х годов, – гэта безагляднай патрабаванасці, якая нярэдка даходзіла да жорсткасці. Менавіта яна, гэтая жорсткасць, з'явілася адной з галоўных прычын нашых небывалых у гісторыі страт, калі жыцце салдата каштавала менш за цынкавую скрынку вінтавачных патронаў, калі толькі гібель (не мела значэння, байца ці злучэння) магла стаць важкай прычынай невыканання загаду, які далека не заўсёды падмацоўваўся хоць бы элементарнай мэтазгоднасцю. І гінулі. Мільены людзей, дзясяткі і сотні часцей і злучэнняў. Некаторыя з камандзіраў пачыналі заведама безнадзейную аперацыю з відавочна пагібельным яе зыходам. Але альтэрнатывы не было.

Важное значение в экзистенциально-художественной концепции Быкова приобретает проблема свободы, в том числе, проблема свободы выбора. Поиск истины героями его прозы всегда чем-то усугублен, осложнен, более того, обусловлен трагическими обстоятельствами. Этот поиск поливариантен, продиктован разными мировоззренческими позициями и подходами, внутренним моральным кодексом, имеющим отличительную, как правило, диаметрально противоположную ценностную мотивацию. Как утверждают представители экзистенциализма, в свободе существование предшествует сущ-

ности и определяет самую сущность человека. В контексте экзистенциальной доктрины данное утверждение конституирует возможность «каждого человека определять собственную судьбу, тем самым формируя не только субъективную картину мира, но и парадигму общечеловеческого существования в целом» (Антонец, 2017, с. 23).

Согласно Сартру, каждый человек, совершающий выбор, должен осознавать, какую ответственность он несет перед социумом: «я ответственен (...) за себя самого и за всех, и создаю определенный образ человека, который выбираю: выбирая себя, я выбираю человека вообще» (Сартр, 1990, с. 324). Герои Быкова, по сути, были лишены подобной свободы, или, по-другому, их свобода была жестко ограничена. Гнет тоталитарного режима, доминирование перманентного трагического посыла лишали человека возможности реализации экзистенциального опыта. Кроме всего прочего, проблема выбора детерминировалась тем же казенно-государственным патриотизмом. Писатель в художественно моделируемых ситуациях заостряет внимание на имеющих место двух правдах, двух истинах, которые вытекают из внутренней сущности и разного аксиологического потенциала двух видов патриотизма. Хотя, по сути, военно-государственный патриотизм превращается в квазипатриотизм, лишенный жизнеутверждающего, гуманного основания. По существу, он приобретает качество хорошо замаскированной фальши, суррогата, ложного идеологического конструкта, функционирующего под маской высшей благодетели, священного императива. В итоге подобный квазипатриотизм принимает форму абсурда, который нельзя принять, которому нельзя не противостоять. Весь драматизм и трагизм ситуации и состоял в том, что героям Быкова приходится сражаться на два фронта – с врагом видимым, реальным, и врагом «своим», латентным, наделенным всеми атрибутами власти и действующим от имени казенной машины подавления хоть малейшей свободы волеизъявления. Олицетворением последнего является та же мрачная, зловещая фигура штабного «офицера-особиста» Сахно (*Мертвым не больно*), который проявляет сверх жестокость, сверх насилие «в борьбе со злом» и «чье маниакальное усердие в “разоблачении” и “пресечении” роковым образом отражается на судьбах героев повести» (Афанасьев, 1993, с. 62). «Отношение Сахно к своим – недоверчивое, предвзятое, предательски жестокое» (Афанасьев, 1993, с. 62), крайне негативно влияет на моральное самочувствие сослуживцев, способствует тому, что чувство долга приобретает деформированные качества зависимости, страха, имеющие поистине трагические последствия для подчиненных. Показателен в этом отношении эпизод, где раскрывается трагическая судьба группы окруженцев, «командование которой принимает на себя Сахно, методы и действия которого соседствуют с «распорядительностью инквизитора» (Быкаў, 1982, с. 321):

...Апроч, як праз міны, дарогі ў нас няма. Немцам жывымі я вас не пакіну... Зрэшты, калі хто не згодны, гаварыце адразу. Для таго я знайду іншае выйсьце».

С учетом высказанного, не совсем правильным будет утверждение о том, что Быков создает художественную модель фашизма. Для писателя не менее важное значение приобретает и разоблачение такого страшного

и преступного явления, как сталинизм («сталинский фашизм» [Сахаров]). Герои Быкова постоянно, прямо или косвенно, ощущают на себе атмосферу гипертрофизированно-фатальной подозрительности, внутреннего режимного утрашения, гипертрофированных военизированных отношений, межвольно прививая себе комплекс несомненной виновности. В подобной атмосфере им чрезмерно затруднительно руководствоваться общечеловеческими принципами и кодексом чести и человеческого достоинства. Моральный выбор быковского героя неимоверно осложнен прежде всего идеологической подоплекой, потенциальной возможностью оказаться помимо своей воли в рядах врагов – изменников Родины. Виновность оказывалась потенциально реальной, возможной при самой малейшей смене военных обстоятельств, жизненных ситуаций и непредвиденных случайностей. Герои вынуждены, насколько это возможно, противостоять «скрытому» врагу, находить внутренние резервы, чтобы окончательно не сломиться, не оказаться в «колпаке», не стать жертвой «неистовых ревнителей революции».

Следует в этой связи заметить, что в отличие от представителей французского экзистенциализма в литературе (Сартра, Камю), Быков не доводит свой идеологический эксперимент до полного абсурда, не моделирует ситуацию тотального антропологического коллапса, полного и окончательного краха человеческих надежд и вождлений. Его истинные герои, которые в состоянии противопоставить мерзости, унижению, страху свою незапятнанную совесть и чувство человечности, мужество и стойкость, полны решимости не сдаваться, быть безупречно честными и готовыми на все во имя выполнения своего солдатского долга. Им свойственен дух внутреннего бунтарства, мятежности, которым они, даже находясь в предельно сложных, пограничных условиях, защищают себя от духовной амнезии, как могут, сохраняют в себе ростки гуманности и человечности.

Возможно, в этом бунте, в отчаянном противостоянии системе и проявлялась свобода человека, свобода его морального выбора прежде всего. Это чрезмерно важная, можно сказать, основополагающая категория в экзистенциальной философии. Сартр в этой связи подчеркивал (Сартр, 1990, с. 327):

Человек ответственен за свой выбор в высшей степени потому, что эта ответственность распространяется на все человечество, категория свободы связывается непосредственно с категорией ответственности». Свобода «не избавляет человека от ответственности», более того, «человек осужден быть **свободным**... потому что однажды заброшенный в мир, отвечает за все, что делает.

Свобода, по Сартру, как бы предопределяет свободу действий человека, потому как, согласно французскому исследователю, «человек есть ни что другое, как множество его поступков... он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых складываются эти поступки... трус делает из себя труса и герой делает из себя героя» (Сартр, 1990, с. 334). Человек отвечает прежде всего перед самим собой за свой выбор – на границе отчаяния, внутренней драмы, которая приобретает трагические очертания вследствие глубинной расколотости сознания, раздвоения бытия. Согласно Сартру, каждый человек,

совершающий выбор, должен осознавать, какую ответственность он несет перед социумом: «я ответственен (...) за себя самого и за всех, и создаю определенный образ человека, который выбираю: выбирая себя, я выбираю человека вообще» (Сартр, 1990, с. 334).

Герой Быкова проходит важные ступени к своему духовному восхождению, постепенно избавляясь от всего наносного, искусственно ангажированного, привнесенного извне вследствие усвоения социально регламентируемых нормативов, связанных с тотальным подозрением, предосторожностью, недоверием. Путь восхождения Сотникова (*Сотников*) – это путь избавления, освобождения от навязанного, ложного, иррационального, мучительное очищение от плевел идеологического зомбирования, от коварных флюидов идеификции, идеи-абсурда, отказ от одномерности социально-этического принципа. Все эти составляющие формировали максималистскую бескомпромиссность Сотникова, питали его военную бдительность, настороженность в отношении людей на оккупированной территории, к своим сослуживцам. Люди в его глазах теряли свою самоценность, становясь частью большого общественного организма, «винтиками» системы, которая, по существу, являлась главной виновницей беспрецедентной народной трагедии. И только сверх экстремальная ситуация, в которой оказался Сотников, поспособствовала его внутреннему озарению, кардинальному пересмотру прежних взглядов и убеждений. Он пережил внутреннее покаяние, по-новому, с поистине гуманистических позиций оценил и свое положение, и положение людей, с которыми свела его жестокая военная реальность.

По словам Локун, духовная трансформация характера Сотникова происходила мучительно и противоречива – в борьбе с самим собой, со своим внутренним «я». Есть большая доля правды в том, что «сотниковское приближение к человеку – это прежде всего постепенное осознание своей вины» (Локун, 2005, с. 171), это переживание (даже на подсознательном уровне) чувства единения с людьми, с которыми волею судьбы он проживает последние мгновения жизни. О кардинальных переменах, произошедших в сознании героя, свидетельствует следующее авторское замечание (Быкаў, 1981б с. 255–256):

(...) ен стаў адчуваць у сабе нейкія новыя, не знаемыя дагэтуль якасці. Нйперш знікла няўпэўненасць, якая заўжды прыгнятала яго на вайне, калі нават самае блізкае будучае хавалася ў расплывістым тумане невядомасці. Цяпер жа ўсе было пэўна і катэгарычна, смерць усе вызначала навек. Каб не цешыць сябе пустымі надзеямі, ен адмеў усе ўласцівыя жыццю ілюзіі, ведаў: наперадзе нішто. Нейкім чынам гэта здавалася нават палегкай, бо дало магчымасць строга вызначыць яго выбар. І калі што яшчэ турбавала яго, дык гэта некаторыя абавязкі ў адносінах да людзей, што воляю лесу ці выпадку апынуліся цяпер побач.

Это обстоятельство может служить весомым основанием для утверждения того, что «его подвиг, его непреклонность возглашают не исключительность героя, вознесенного несомненными его заслугами и достоинствами над людьми, быть может, даже недостойными равного человеческого участия, а именно человечность человека (выражение Сартра – В. М.). Причем человечность во всех

мыслимых значениях данного понятия. Сотников воспринимает себя в единстве с теми, ради кого он совершает подвиг» (Афанасьев, 1993, с. 85).

Именно человек стал главным объектом его мучительных размышлений, а его жизнь – «категорией-абсолютом, мерилом и ценою всего» (Быков, 1986, с. 360-361), что, в итоге, стало действенным «стимулом» его окончательного постижения истины, его собственного суда над собой. Свидетельством того стало и авторское замечание, что Сотников «у апошніа імгненні свайго жыцця нечакана ўсумніўся ў сваім заўседным праве – нароўні з сабою патрабаваць ад іншых» (Быкаў, 1981, с. 273).

Можно согласиться с утверждением Ивана Афанасьева, что внутренняя эволюция Сотникова проявилась прежде всего в его великодушии, в его гуманности простить «всех, кто есть люди» (Афанасьев, 1993, с. 93), в отчаянной и жертвенной решимости взять на себя мучения и вину этих людей, разделить с ними непередаваемую горечь прощания с жизнью. По словам исследователя, жизнь «вне его, нелюбимая, не чувствуемая им, неизвестная ему», которая, по Толстому, «и есть единая настоящая жизнь» (Толстой, 1984, с. 21), расширяет «пределы» Сотникова и, разрешая это «основное противоречие человеческой жизни», утверждает равное человеческое право на жизнь, хотя и не знаменует еще возможность такого служения людям, «при котором не было бы неизбежности жертвы всей своей жизнью» (Толстой, 1984, с. 21). В этой связи к месту будет привести слова Жибуля, заметившего, что Быков в повести *Сотников* объединяет прославление человека, сохраняющего свою духовную сущность даже в нечеловеческих условиях, вместе с проклятием этих условий, с утверждением прав человека на человеческие условия проявления его духовной сущности» (Жибуль, 1986, с. 59).

Восходя на Голгофу, Сотников протестует всем своим существом против «удушения петлей», против такого, плачевно безрезультатного, итога всей своей жизни. Только теперь он стал явственно осознавать, что

смерць нічога не вырашае і нічога не растлумачвае. Толькі жыцце дае людям пэўныя магчымасці, якія здзяйсняюцца або прападаюць марна; толькі жыцце можа процістаяць злу і несправядлівасці. Смерць – нішто (Быкаў, 1981, с. 271).

Это признание дает нам право засвидетельствовать кардинальные изменения в духовно-нравственной составляющей героя, в его мировоззрении. Афанасьев замечает в этой связи: «Это важнейший момент повести для понимания последнего поступка героя как **самопожертвования** (выделено автором. – В. М.), которое не отрицает человека, а утверждает его, заключая в себе “возможность возможности” Рыбака» (Афанасьев, 1993, с. 85). В сознании героя происходит как бы резкий единовременный скачок, «просветление в последний миг», – герой духовно преображается, обретает новую природу. Здесь имеет смысл говорить о мировоззренческом «перевороте». Классическая христианская параллель этому – евангельский прототип: превращение язычника Савла в Павла, будущего апостола. Только, в отличие от последнего, подобное превращение происходит с героем на лобном месте, на его плахе, в преддверии катастрофического конца. Допустимо (по миметической аналогии) видеть здесь

и момент сходства с Христом. Кстати сказать, ссылаясь на высказывание Камю относительно Мерсо (главного героя романа *Посторонний*), что «это единственный Христос, которого мы заслуживаем» (Камю, 1989, с. 11), Локун утверждает, что «таким Христом в советской военной прозе был Сотников. Он и до нынешнего времени в творчестве В. Быкова является своеобразным «святым», трагическим в своей нестигаемости. Сотников жертвует своей жизнью, избавляет свой грех совсем по-христиански – через признание своей вины, через покаяние» (Локун, 2005, с. 173).

На пути к неизбежному концу, на грани катастрофы, гибели в Сотникове совершается полный внутренний переворот, когда идеи насилия и разрушения уступают место примирению и согласию, когда внезапно обнаруживает себя свет бытийной сути. В данном случае можно говорить о своеобразном паттерне (образце, модели), представленном в антропологическом дискурсе. Перенесение акцента на жизнь как основоуточностную категорию бытия, взгляд на нее как на универсальную общечеловеческую ценность – еще одно важное свидетельство духовного восхождения Сотникова. Все это может служить достаточно аргументированным основанием для того, чтобы назвать быковского героя символом человеческого величия, духовной стойкости, нестигаемости и мужества.

Восхождение Сотникова – апофеоз христианскому мироприятию. Присутствие в повести библейских архетипов не должно вызывать сомнения. Правда, данное утверждение можно считать верным только при условии признания обобщенной художественно-семиотической структуры произведения, сконцентрировавшего в себе события поистине универсального, общечеловеческого масштаба. Если мы признаем условно-метафизический, символический характер произведения с его христианскими архетипами, то вследствие этого открывается возможность конституирования многомерности экзистенциально-онтологического дискурса и поливариантности интерпретаций художественно-обобщенных смыслов в творчестве Быкова вообще.

В этой связи заслуживает внимания оценка позиции Рыбака, которому исследователями, в большинстве своем, отведена роль предателя, палача. Какой же архетип можно закрепить за этим образом? Думается, ситуация с Рыбаком напоминает момент отречения от Христа апостола Петра. Французский философ Жирар в своей книге *Козел отпущения* следующим образом описывает внутреннее ощущение Петра в подобной ситуации (Жирар, 2010, с. 247):

Петр делает Иисуса своей жертвой, чтобы перестать самому быть своего рода малой жертвой... То, что эти люди делают с Петром, Петр в ответ хотел бы сделать с ними, но не может. Он недостаточно силен, чтобы восторжествовать над ними посредством мести. Поэтому он пытается примириться с врагами, заключив с ними союз против Иисуса... (...) А лучшее средство приобрести друзей в недружественном мире – это присоединиться к их вражде.

Рыбак стремится отсрочить наступление неминуемого путем отречения и, по сути, самоотречения, лелея надежду на жидущееся спасение. В этом

можно усмотреть и парадоксальную сторону выбора Рыбака – спасение через, как ему кажется, неосознанное, навязанное извне предательство, какие бы формы и очертания оно не приобретало в итоге всех очевидных и скрытых от чужого глаза пертурбаций. Именно этот выбор ведет к «забвению бытия», к окончательному разрыву его связи с моралью, с христианскими заповедями, с принципами и нормами человеческого существования, что составляет самую сущность человека. Не то же происходит и с евангельским Петром? Здесь очень кстати процитировать уже упомянутого нами Жирара (Жирар, 2010, с. 248):

Самое лучшее средство для того, чтобы тебя не распяли, – это в конечном счете поступать так, как поступают все, и самому участвовать в распятии. Таким образом, отречение Петра – это один из эпизодов Страстей, своего рода завихрение, небольшой водоворот в широком потоке виктимного миметизма, уносящего всех к Голгофе.

Последним утверждением французский исследователь как бы исподволь ответил на вопрошание Афанасьева – «Кто восходит на Голгофу?» Восходят все. Другое дело, каждый восходит на нее в разной роли и в разном антропологическом статусе. Многократно нами упомянутый Афанасьев по отношению к Рыбаку применил метафорическое определение «жертва-палач». Думается, данный «двуединый» архетип, заключающий в себе значение абсолютной нравственной катастрофы, как нельзя лучше указывает на истинную роль героя в ситуации выбора. Если опереться на ту же евангельскую канву, Рыбак действительно вобрал в себя роль и жертвы, и палача, принял на себя функции Канафа и Пилата, Иуды и Петра...

Следует заметить, что присутствие библейской стилистики и евангельских мотивов в повести отдельными исследователями творчества Быкова признается спекулятивным фактом. В этой связи критик замечает (Афанасьев, 1993, с. 93):

Что до буквальности совпадения с легендарными персонажами, то одним сравнением образ не исчерпаешь, и кто знает, от кого больше в Рыбаке: от Иуды или апостола Петра, трижды отрекшегося?.. Христос и – кто? Спор бесплоден и неразрешим...

Быковская идея отстаивания права человека на историческую субъектность остается чрезмерно востребованной и актуальной в наше время, когда все чаще говорится об утрате субъективности, о крушении самой идеи человека. Так, Хайдеггер замечает, что бытие «в нынешний момент мира дает о себе знать потрясением всего сущего», что непосредственно сказалось и на положении человека в этом мире: «...потерянность человека, будь то очевидная, будь то утаиваемая, разрастается до неизмеримости» (Хайдеггер, 1988, с. 347). Фромм также подчеркивает (Фромм, 2004, с. 322):

Система человека функционирует ненормально, если удовлетворены только материальные потребности, гарантирующие ей физиологическое выживание, а не специфически человеческие потребности и способности – любовь, нежность, разумность, радость и пр.

Вместе с тем, он выражает уверенность в том, что «в развитии общества выявилась сильнейшая тенденция к более глубоким ценностям гуманистической традиции» (Фромм, 2004, с. 322–323), что в свою очередь позволит человеку «быть живым в полном смысле слова» (Фромм, 2004, с. 326).

И в наши дни вопросы морального выбора, отстаивание высоких морально-нравственных устоев личности как важнейшего компонента духовного развития выступают центральными критериями. Приходится только сожалеть, что «при длительном отсутствии реальной и потенциальной войны смыслы жизни теряют очертание, а массы принимаются тосковать по новым демонам и идолам» (Назаретян, 2018, с. 101). Все больший масштаб приобретают агрессивные среды, которые напрямую влияют на характер международной коммуникации, выстраивая свой рейтинг «национальных картин мира», доминирующих культурных кодов. Все меньше стали говорить об общечеловеческих ценностях, о межнациональном согласии, о диалоге культур и гуманитарном сотрудничестве, о культурно-цивилизационном единстве, о формировании позитивных жизненных стратегий, заменяя их разговорами о западной и восточной цивилизации, об экспансии национальных интересов, «культурной гегемонии». В ситуации цивилизационных угроз и рисков довольно остро встает проблема сохранения жизненных смыслов, формирования планетарного сознания, основанного на примирении, на взаимном уважении прав и достоинств личности. О чрезвычайной востребованности нового планетарного мышления, о взаимоответственности человека и мира, о всеобщем единении человечества перед надвигающимся коллапсом и говорит своими произведениями великий художник слова. Всем своим творчеством писатель постулирует мысль о том, что судьба каждого человека неотделима от судьбы всего человечества и что экзистенциальная изолированность лишает человека будущего. Только чувство причастности к роду человеческому призвано узаконить право на жизнь как бесценный дар. Только гарантия прав человека на человеческие условия проявления его духовной сущности может стать залогом успешного развития общества в XXI веке.

Библиография

- Антонец, В. А. (2017). *Традиции экзистенциализма в отечественной культуре второй половины XX века*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук культурологии. Ярославль.
- Афанасьев, И. (1993). *Кто восходит на Голгофу: антивоенная идея в творчестве Василя Быкова*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Быкаў, В. (1981). *Збор твораў. У 4-х т. Т. 2. Аповесці*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Быкаў, В. (1982). *Збор твораў. У 4-х т. Т. 4. Аповесці і апавяданні*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Быков, В. (1986). *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2*. Москва: Молодая гвардия.
- Быков, В. (1986). *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4*. Москва: Молодая гвардия.
- Быкаў, В. (1992). *На крыжах: Выступленні, артыкулы, інтэрв'ю*. Минск: Беларусь.
- Герзон, М. (1987). Герои, которых мы выбираем: идеал мужчины вчера и сегодня. *Иностранная литература*, № 3, с. 166–178.
- Жибуль, В. (1986). *Белорусская проза о войне и классическая традиция*. Минск: Наука и техника.
- Жирар, Р. (2010). *Козел отпущения*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Камю, А. (1989). *Избранное*. Москва: Народная асвета.

- Клишевич, Н. С. (2015). *Экзистенциальная реконструкция творческого наследия В. Быкова: поиски человека*. В: Демчук, М. И. [и др.] (редкол.); Беркова, В. Ф. (ред.), *Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей*. Вып. 14. Минск: РИВШ, с. 214–220.
- Кукулин, И. (2005). *Регулирование боли*. Online: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37/html> (13.08.2018).
- Локун, В. І. (2005). *Васіль Быкаў у кантэксте сусветнай літаратуры: манаграфія*. Мінск: Тэхнапрынт.
- Назаретян, А. П. (2018). Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой? *Вопросы философии*, № 6, с. 99–110.
- Сартр, Ж.–П. (1990). *Экзистенциализм – это гуманизм*. В: Яковлев, А. А. (сост.). *Сумерки богов* (с. 319–344). Москва: Политиздат.
- Толстой, Л. (1984). *О жизни*. В: *Собрание сочинений: в 22 т.* Т. 17. Москва: Художественная литература.
- Фромм, Э. (2004). *Душа человека*. Москва: ООО «АСТ», ООО «Транзиткнига».
- Хайдеггер, М. (1988). *Письмо о гуманизме*. В: Гуревич, П. С. (сост.); Попов, Ю. Н. (ред.). *Проблема человека в западной философии*, Москва: Прогресс, с. 319–325.